

Владимир Галактионович Короленко

Станочники

**Короленко Владимир
Галактионович
Станочники**

Владимир Галактионович Короленко
Станочники

От Титаринской станции нам пришлось ехать на лодке.

Ямщик, которому довелось в очередь везти нас, оказался бедняком, у которого было только две лошади, а нас было трое. Он предложил нам ехать в лодке на гребях. Мы согласились, не подумав о том, что значит идти на гребях верст тридцать вверх по Лене.

Только мы успели оттолкнуться от берега, на одну из лодок, стоявших рядом на отмели, вбежала девушка и передала старику узелок.

- Что это?

- Так, ничего, посылка! - слукавил старик; оказалось, что это был чайник и хлеб.

Нам предстояло варить чай на острове. Выезжали мы со станка утром, а на другой могли попасть не ранее как к ночи. Гребцы - старик и молодой парень, привычными руками налегали на весла. Волны бурлили по бокам лодки, брызги и пена уносились назад, но лодка подавалась вперед тяжело. Переехав через так называемую курью (залив, где удобно ловить рыбу), мы пристали к песчаной от-

мели, и гребцы, выйдя на берег, потянули лодку на бечевой, лямками. Потом, обогнув отмель, они опять сели и направили лодку к острову. "На этом острове будем пить чай", - заявил нам старик. Только тогда мы поняли свое положение.

До острова, казалось, рукой подать, но плыть пришлось около часу. Между тем вверху на реке появился какой-то белесоватый столб, постепенно расширявшийся. Одну за другой охватывал он береговые скалы. Вот около нас закружились легкие, мелкие снежинки, заволакивая божий мир непроницаемой, холодной, белесоватой пеленой. Снежинки эти, кружась, падали на потемневшую реку и тотчас таяли в ней, но на смену валились новые и новые. Вот еще маячат причудливые очертания высоких камней, темнеет кое-где тайга на крутых склонах, но все это постепенно тонет в снеговом облаке, все более и более окутывающем землю. Вот еще выделились каким-то призраком очертания плывущей вниз, откуда-нибудь с приисковой Мачи, большой якутской лодки с парусом. Выделились на минуту и потонули в снеж-

ном хаосе.

Ничего, кроме воды под нашей лодкой и снега, - вверху, впереди, кругом. Гребцы вытирают по временам свои лица, по которым стекают струйки горячего пота и талого снега. Но вот и остров.

Через минуту на берегу затрещал костер, на согнутых талинах повисли наши чайники. Гребцы сели к огню.

- Эх, сторона наша, - говорит старик, - гиблое место. Отдал нас царь под якутов на веки вечные. Горе наше великое.

- Как так? Кто же вас под якутов отдавал? Вы люди вольные!

- Нет, отданы мы под них. Да как же, ты посмотри: чьи луга, чьи хлеба, речки чьи самые лучшие - все ихние. А мы на камнях сидим, пестрые столбы караулим. С какой радости? Нет, брат: царь сам своих людей им отдал, потому что осердился...

- За что?

- Да ты эту историю-то не слыхал, видно. погоди, я расскажу тебе.

- Раньше вся эта сторона якутская была. Дыкан был у них царь. Росту ба-альшого,

между плечей печатная сажень, а с лица нашему царю как есть родной брат. Жил этот Дыкан - где ныне якутской город. Вот раз пришли к нему трое русских и стали жить в работниках. Живут, а сами все смотрят и на бересте пишут: планты, значит. Вот раз ушли они в тайгу и две недели не приходили. Потом вернулись. Дыкан спрашивает: где, мол, были? А они говорят: пошли в тайгу и заблудились. Жена говорит Дыкану: что это русские все пишут? А он говорит: пущай. А русские-то, значит, к своим на низ ходили, планты снесли и велели башни строить. Потом вернулись. Малое время спустя просят у Дыкана: дай нам земли на одну воловью шкуру. Дыкан посмеялся: что, мол, они будут делать на эдаком месте? Ну и дал.

После того они опять скрылись и дня через три приплыли вместе со своими, порезали шкуру в тонкие ремешки и обвели кругом, где ныне город, да за ночь башни из срубов сложили.

Дыкан видит: обманули его. Давай воевать. А русские навешали на стены ситца всякие, сукна, красные товары. Якуты бросились

хватать, а русские их из пушек - перебили страсть!.. А Дыкан долго не давался, однако и его взяли. Взяли его и повесили на виселице, на холмике - по сей день холмик тот есть. Висит он день - жив. Другой висит - жив. Третий висит - тоже жив. Что тут делать? Вот казак один приставил лестницу, влез туда к нему и ударил его... по лицу, сейчас он и умер. Сняли его и послали в Петербург к нашему царю. Посмотрел царь и говорит: как же вы смели убить его? Почему такого царя мне живьем не доставили? И осердился.

А между прочим, приехал в С.-Петербург Дыканов сын и явился к царю. Явился к царю да и говорит: как теперь ты, белый царь, нами владеешь, то пошли мне русских людей станки держать, потому моим якутам никак невозможно. Приедет начальник какой, говорит им что-нибудь по-русски, а они не понимают. Возьмут и разбегутся, а твои начальники сердятся. Царь и говорит: бери.

И стали тут, братец мой, русский народ в якутскую неволю гнать. Кого в зачет некротчины, кого помещики ссылали за провинности, а которые сами от тесноты на новое ме-

сто шли; начальники много дураков сманили: там, говорят, гор золотых много...

- Почему же ты говоришь про якутскую неволю?

- Как же не неволя, подумай: чьи пашни, чьи луга самолучшие, чьи выгоны? Вся под якутами земля. Из милости скот вместе с якутским ходит... Сено по двадцати рублей иную пору воз покупаем. Это ли не горе? А уйти куда же уйдешь? Гоньбой только и кормимся, да и то платой ноне беда стеснили. Видят нужду - тут и плату сбавляют. Это ли не неволя? Э-эх!..

Старик закашлялся.